

Вечером, вернувшись домой, Чу Инь засиделся за полночь, перечитывая оригинальный роман Алые девять небес и посмотрев его экранизацию. В сердце его бушевало такое волнение, что он даже полез в интернет искать разное творчество других фанатов.

Неудивительно, что эта новелла стала невероятно популярным IP — у её успеха определенно были причины.

Вот только экранизацию сняли из рук вон плохо. По идее, это должен был быть масштабный проект в жанре сянся и фэнтези, но спецэффекты оказались донельзя убогими, цветокоррекция с фильтрами — странной, а самым настоящим бедствием стало то, что на роли набрали сплошных трендовых звезд. Их актерская игра вызывала лютое смущение, а боевые сцены выглядели деревянными донельзя...

И тем не менее, многим проект пришелся по душе, и в сети гуляло множество додзинси и фанатских работ. Чу Инь просидел так всю ночь, и в нем проснулось колоссальное творческое вдохновение — на эмоциях он подорвался посреди ночи и принялся писать додзин-песню по Алым девятым небесам.

Создать музыкальное произведение — задача не из легких, одной лишь искры вдохновения и страсти тут явно недостаточно.

У Чу Иня не было здесь профессиональной студии, а некоторые привычные ему музыкальные инструменты компьютер просто не мог сгенерировать. Сам же Чу Инь страдал перфекционизмом: к любым проектам, вышедшим из-под его руки, он предъявлял самые высокие требования. Поэтому, даже несмотря на охвативший его сейчас кураж, созданное им казалось ему лишь несовершенным полуфабрикатом, выносить который на суд публики он вовсе не планировал.

Просидев без сна всю ночь, на следующий день он не поехал с Се Юйчао на пробы, а остался вилле отсыпаться. Проспав мертвецким сном до самого вечера, он, разумеется, совершенно выбросил из головы то, что еще вчера вызывало у него любопытство.

В четыре часа пополудни Гу Тинъянь закончил с делами и вернулся домой.

Вилла погрузилась в тишину, и он подсознательно решил, что Чу Инь уехал вместе с Се Юйчао и еще не вернулся.

Парень перед ним действительно оказался Чу Инем.

Гу Тинъянь сообразил, в чем дело, лишь когда за стеной затих звук льющейся воды. Странно переменившись в лице, он в паре шагов поспешно ретировался назад.

К тому же, сейчас он жил в доме Гу Тинъяня. Было бы верхом невоспитанности со стороны

гостя в чужом доме выгонять самого хозяина.

Чу Инь невозмутимо взглянул на него и неспешно продолжил чистить зубы.

Пусть толком ничего и не было видно, Гу Тинъянь все равно простоял там добрых несколько минут. Чу Инь знал, что тот не ушел, но выгонять его не стал.

Гу Тинъянь же чувствовал себя еще более неловко: его щеки мгновенно залились двумя алыми пятнами, а глаза совершенно не знали, куда деться. — Ты... ты почему без одежды?

Своей ориентации он четко не осознавал, и даже дожив до двадцати четырех лет, ни к кому не испытывал сердечного трепета, а потому и никакой бдительности поначалу не проявил.

Чу Инь мыслил крайне просто: все они мужчины, и то, что есть у него, имелось и у Гу Тинъяня — посмотрел и посмотрел. Стоит ли говорить, что в зарубежной школе-пансионе мальчики вообще мылись в общей большой душевой.

Поэтому, когда он толкнул дверь ванной на первом этаже и увидел стоящего перед раковиной голого парня, чистящего зубы, то оступился и резко отшатнулся на три шага назад.

Следующие двадцать минут Гу Тинъянь простоял на прежнем месте, не в силах сдвинуться сдвинутой точки. Он не мог переступить ни единого шага, тупо уставившись остекленевшим взглядом на тусклое матовое стекло — сквозь него смутно угадывались лишь человеческие очертания.

— Разве нельзя было помыться в своей комнате? — услышав возражение, Гу Тинъянь разозлился еще сильнее.

К тому же он отличался современными взглядами и ни капли не стыдился того, что его застали в таком виде.

На нем красовался домашний костюм с длинными рукавами и штанинами — удобный и приличный.

Вернувшись в гостиную, он подождал, пока появится Чу Инь, и обнаружил, что тот уже переоделся.

Чу Инь с рассудительным видом сплюнул воду изо рта, тщательно вытер лицо от капель и лишь после этого с серьезным выражением посмотрел на Гу Тинъяня: — Я собирался в душ. Зачем мне при этом надевать одежду?

— В моей комнате сломался душ, нет горячей воды... Не мог же я пойти мыться в твою

комнату? — Чу Инь странным взглядом посмотрел на Гу Тинъяня и повернулся, направляясь вглубь коридора.

Он слишком долго прожил за границей и привык мыться сразу после пробуждения.

Гу Тинъянь снова почувствовал, как внутри закипает злость.

— ... — Гу Тинъяню было нечего возразить.

Чу Инь по-прежнему держался с ним непринужденно и достойно. От этой его невозмутимости сердце Гу Тинъяня забилося еще чаще.

Только что он все же успел увидеть спину Чу Иня: какая же у него тонкая талия, какие округлые ягодицы, а еще у него есть две очаровательные ямочки на пояснице...

Ему приходилось признать, что в общественных местах Чу Инь не вел себя неподобающе... Это он сам вломился без стука и предупреждения, толкнув дверь. Единственной ошибкой Чу Иня было разве то, что он не заперся изнутри.

К тому же Чу Инь действительно завораживал — и своей непреклонной реакцией, и телом, словно высеченным искусным скульптором.

Гу Тинъянь слегка раздражался.

Чу Инь налил стакан воды, подошел и сел напротив Гу Тинъяня: — Прошу прощения, что воспользовался гостевой ванной без твоего ведома. Впредь я буду внимательнее.

Лицо Чу Иня было серьезно, брови слегка нахмурились: — В следующий раз, пользуясь гостевой ванной, я буду не забывать запирать дверь.

Последние годы он жил один, поэтому у него совершенно не было привычки запираться, когда он принимал душ в гостевой.

Чу Инь не видел в этом никакой трагедии, но заметив мрачное выражение на лице Гу Тинъяня, решил сам подойти и заключить с хозяином дома такое соглашение.

Выражение лица Гу Тинъяня немного смягчилось, хотя на душе всё еще скребли кошки. Он помнил, как раньше те люди отзывались о Чу Ине, называя его высокомерным и невоспитанным. Однако за эти дни общения Гу Тинъянь совершенно не ощущал ничего подобного — напротив, ему казалось, что от парня исходит какое-то благородное чувство такта, словно он был утонченным аристократом, получившим прекрасное воспитание.

Чу Инь улыбнулся ему, допил воду и вернулся наверх.

Хотя они и заключили договоренность, показавшуюся тому не слишком удобной, сам Чу Инь не считал это серьезной проблемой. В конце концов, жить с Гу Тинъянем оставалось всего месяц — как только тот переоформит контракт, он, скорее всего, переберется в такие же апартаменты, как у Се Юйчао.

Гу Тинъянь не знал, о чем думает Чу Инь, и чувствовал лишь смутное смятение.

Ему казалось, что Чу Инь на самом деле не так уж плох, как о нем говорят. Но с другой стороны, разве мог человек, которого ненастоять многие, вызывать всеобщую неприязнь из-за простого недоразумения? Ведь если тебя не любит кто-то один, дело, возможно, в этом человеке, но если от тебя отворачивается целая толпа — причину определенно стоит поискать в себе.

Возможно, Чу Инь просто мастерски играет роль? И сейчас он специально притворяется перед ним.

Гу Тинъянь бросил взгляд наверх, во взгляде читалось растерянность.

Словно пытаясь укрепиться в собственной вере, он через мгновение достал телефон и отправил сообщение тому, кто был закреплен у него в самом верху WeChat: [Работа закончилась? Не хочешь сегодня поужинать вместе?]

Собеседник понятия не имел, какие бури терзают душу Гу Тинъяня, и вскоре прислал ответ: [Прости, А-Е, я на вечер договорился со студией Фэнцзин насчет сотрудничества, давай в следующий раз.]

Гу Тинъянь нахмурился: [Разве ту песню студии Фэнцзин тебе уже не передали по лицензии?]

[Дело не в Бескрайней нежности.]

Некоторое время назад в сети всплыло, что песня Нин Цзюя Бескрайняя нежность на самом деле была написана кем-то из ушедших из индустрии людей студии Фэнцзин. Хотя Нин Цзюй и говорил, что делает кавер, он ни разу не заикался о вопросах авторских прав.

Тогда Нин Цзюй обратился к Гу Тинъяню со слезами на глазах, уверяя, что поступил так не со зла. Просто фанаты сказали, что его голос идеально подходит для Бескрайней нежности, и он записал трек, скинув его в фан-чат как подарок для поклонников. Он никак не ожидал, что фанаты загрузят песню на другие платформы, откуда она начала стремительно набирать популярность, и многие, никогда не слышавшие оригинал, приняли его за первоначального автора.

Он действительно не планировал ничего подобного, а руководствовался лишь желанием порадовать поклонников.

Гу Тинъянь прекрасно знал о его доброте и понимал, что тот говорит правду, поэтому ему пришлось выступить вперед, чтобы разгрести этот бардак и связаться с людьми из Фэнцзин.

Позже Гу Тинъянь пообещал помочь Нин Цзию присмотреть за Чу Инем, переложив на него самую задачу урегулирования контактов с Фэнцзин. Он думал, что инцидент по большому счету исчерпан, и им оставалось лишь уладить чисто финансовые вопросы лицензирования.

Собеседник больше ничего не ответил, и Гу Тинъянь не стал допытываться — Нин Цзией не любил, когда тот слишком сильно лез в его дела.

Но получив отказ, Гу Тинъянь почувствовал еще большее раздражение. Ему даже подумалось: почему, когда у него случаются проблемы на работе, он сразу вспоминает о нем и бежит за помощью, а в обычные дни предпочитает ограничивать его участие? Разве это не называется «в беде — Чжун Уянь, а в радости — Ся Инчунь»?

Гу Тинъянь дернул галстук, поднялся с места и достал из винного шкафа несколько бутылок красного вина.

Продолжать эти мысли ему не хотелось, и теперь оставалось лишь заглушить тяжесть в душе алкоголем.

Гу Тинъянь начал пить еще днем, и к тому моменту, когда Чу Инь спустился вниз готовить ужин, он уже изрядно захмелел, хотя до беспамятства еще не дошел.

Увидев на журнальном столике пустые бутылки, Чу Инь с любопытством взглянул на дремавшего на диване Гу Тинъяня: — Ты что, всегда после выпивки любишь засыпать на диване?

— Я не пьян, — услышав это, Гу Тинъянь тут же резко сел.

Однако движение вышло слишком резким — от этого у него внутри словно всё оборвалось, лицо мгновенно стало мертвенно-бледным, а тело судорожно согнулось пополам.

Чу Инь испугался такой реакции, подбежал и придержал его за плечо: — Что с тобой?

Выглядел он так, будто испытывает невыносимую боль — на лбу выступил холодный пот...

Гу Тинъянь прижал ладонь к животу, надеясь хоть так немного унять боль.

Заметив это, Чу Инь догадался, что у того, должно быть, больные желудок, а он на голодный желудок слишком быстро и много выпил, и теперь у него приступ.

— Я вызову скорую.

Гу Тинъянь внезапно перехватил Чу Иня за запястье: — Не надо, в больницу... В шкафчике есть, есть лекарство для желудка.

Чу Инь нахмурился, но все же послушался и сделал так, как тот просил.

Приняв лекарство, Гу Тинъянь попросил Чу Иня проводить его до спальни, после чего ничком рухнул на постель, бледный как полотно, и бросил, чтобы тот не лез не в свое дело.

Чу Инь не стал спорить, но спустя минут десять заглянул к нему снова... Гу Тинъянь и впрямь потерял сознание. Тяжело вздохнув, Чу Инь все-таки вызвал скорую.

Заметив, как бурно у него протекал приступ, он опасался острого желудочного кровотечения или прорыва язвы. Но Гу Тинъянь принадлежал к числу упрямцев, которые всегда стоят на своем: вместо того чтобы убеждать его в своей правоте, было проще позволить ему на собственном опыте ощутить сигналы, которые подавало тело.

Очнувшись вновь, Гу Тинъянь обнаружил, что находится в больнице.

Чу Инь сидел у окна на стуле и читал книгу. Судя по обложке, это был всё тот же оригинал Алых девятых небес.

Выражение его лица было безмятежным, длинные ноги скрещены, а сам он расслабленно откинулся на спинку стула. Свет из окна мягко очерчивал его силуэт, из-за чего казалось, будто он сам излучает сияние.

Гу Тинъянь на мгновение замер в растерянности: в нынешнюю эпоху кто-то еще носит с собой бумажные книги и вот так спокойно читает их, сидя у залитого светом окна.

Надо же, человек, сосредоточенно читающий книгу, может выглядеть столь прекрасным.

Наверное, всё потому, что сам Чу Инь невероятно хорош собой...

Смутно думая об этом, Гу Тинъянь даже не заметил, что во все глаза пялится на Чу Иня.

Столь пристальный взгляд, разумеется, не мог остаться незамеченным.

Чу Инь повернул голову, отложил книгу и, заметив, что Гу Тинъянь смотрит на него широко раскрытыми глазами, поднялся, подошел к больничной койке и, слегка наклонившись, приложил ладонь к его лбу: — Ты наконец проснулся...

Наверное, он и вправду бредил от болезни: наблюдая, как Чу Инь идет к нему против света, Гу Тинъянь на секунду вообразил перед собой бессмертного, что не питается земной пищей.

Наверное, сейчас он участливо поинтересуется его самочувствием.

Гу Тинъянь даже мысленно приготовился строить из себя стойкого...

— Проснулся — так вставай и иди оплачивай больничный счет. Если не заплатишь прямо сейчас, твою капельницу больше не станут продлевать.

— ... —

К черту любого бессмертного.

<http://bllate.org/book/19757/1945659>